

Урок словесности на речке Устье

СВЕТ ПОЭЗИИ

В Ярославле закончились трёхдневные VIII Лермонтовские чтения. В их первый день, посвящённый очень знаменитым (таким, как Ираклий Андроников), просто известным или широкой публике не известным вовсе филологам-исследователям, вне конкуренции были академическая наука, выступления профессуры из Питера. Армавира, Ярославля и нашего старого знакомого по чтениям предыдущим – лермонтоведа из Японии Асута Ямадзи, главных хранителей музеев из Пензы и Воронежа. А вот выездная, на тихой речке Устье, семибратовская концовка дискуссий оказалась, как и следовало ожидать, ближе к жизни, к болям и тревогам нашего времени, да и к самой поэзии тоже. Вдобавок ярославский традиционный сбор верных поклонников «одиноким гения» получился с интригой, никакими программами не предусмотренной.

Гость из Сыктывкара, член Всероссийской организации библиофилов и общественного фонда «Покаяние» Анатолий Попов невольно приподнял от удивления брови – и было от чего. Сразу после его выступления о репрессированных литераторах на земле Коми и узнике Воркуталага, лермонтоведе из Семибратова, однофамильце докладчика Олеге Пантелеймоновиче Попове, один из слушателей подошёл к нему со словами – дескать, разрешите представиться: заключённый Воркуталага, чертёжник-маркшейдер шахты № 27 Адам Адамович Шмидт, ярославский художник.

Выяснить, что к чему, начали они без всяких предисловий, как старые знакомые, понимающие друг друга с полуслова.

– Кстати, вам когда, гражданин Шмидт, повезло попасть в наши края?

– Ещё при товарище Сталине. В пятьдесят первом получил двадцать лет каторги за побег с высылки.

– А давайте по порядку? – За что выслали в самом начале войны, вы уже наверняка догадались – за то, что немец.

Родился Адам Шмидт под Ленинградом, в посёлке Новосаратовском, где одна из немецких колоний в числе прочих обосновалась ещё со времён Екатерины II. В Ленинграде пе-

ред войной учился на художника, стажировался в живописной мастерской закрытого для верующих Андреевского собора на Васильевском острове. В блокаду на оборонных работах рыл траншеи под доты и дзоты.

Когда на Ладоге открыли «Дорогу жизни», отправили двадцатилетнего Адама куда-то дальше – на Енисей. Ремесло художника засучив рукава начал осваивать он с молодых лет – не раз потом благодарил за это судьбу. На высылке и в лагерях не отказывался ни от какой закуски.

В енисейской тайге лёгкий на ногу, улыбочивый, всегда дружелюбно настроенный ссыльный без особых хлопот нашёл себе подругу по сердцу. Черноокая уроженка Румынии, особа горячих кровей и вольного нрава, как только забеременела, сорвалась с места, двинула на перекладных через полстраны к родителям в Молдавию. Когда появился сын, не удержать было и Адама.

Самовольную отлучку с высылки приравняли к побегу из лагеря. Так и оказался Шмидт со своим хроническим пороком сердца чертёжником маркшейдерской конторы той самой шахты двадцать семь. Мир тесен: по соседству каторжанин Олег Попов, получивший точно такой же срок по 58-й статье «За измену Родине», рубал уголёк, слеса-

рил, тянул связь по штрекам славной воркутинской шахты «Капитальная».

Его-то историю – «дело для Божьего суда», как называли её журналисты – о том, как и почему в Пятигорске сотрудник Лермонтовского музея Попов решил поставить на кон своё доброе имя и много чего ещё, став полицейем, как спас от гибели домик поэта, Адам Адамович раньше знал по прессе только в общих чертах. А в подробностях узнал только теперь – из выступления однофамильца Попова из Сыктывкара.

Да ведь и своя-то биография у художника Шмидта – не соскучиться. Стоило ему начать рассказывать, как быстро оказался

в центре внимания. Чуть было сам не попал в лермонтоведы, когда слушатели призвали его к ответу как автора вывешенного в фойе библиотеки весьма выразительного барельефа поэта – презент Шмидта к октябрьским чтениям.

Был Адам Адамович немногословен, как и подобает любому знающему себе цену мастеру. Не стал скрывать, что лепил по мотивам, должно быть, хорошо известного филологам живописного портрета кисти Леона Пастернака. Но уж то, что Лермонтов у автора новинки свой, а не заёмный, доказал самым доходчивым образом: начал читать наизусть любимое стихотворение «Парус». С

детства верит, что это и про него, вечного скитальца, советского немца Адама Шмидта писано.

Теперь наступила очередь представиться гостю – вплотную занялся этим Анатолий Александрович в машине по дороге в Семибратово. О его главном жизненном интересе, дипломированного горняка, уроженца земли Коми, проще всего судить по теме, представленной на ярославские чтения. Репрессированных литераторов насчитывает он в своих родных краях 350 душ. О главном герое семибратовского дня чтений Анатолий Александрович узнал сперва из статьи на тему «Стоит ли предателям ставить памятник?» в одном из

сборников по истории разведки и контрразведки, а затем по личному делу из фондов Воркутинского госархива.

– Прожил я в Воркуте до студенческого возраста, – говорит гость, – ещё мальчишкой насмотрелся на эзков. Те рубрики в сердце до сих пор ноют. Потом узнал, что стихи писали многие из них, как говорил политзаключённый Ярослав Смеляков, чтобы «не свихнуться». Это была устная поэзия, не подотчётная никакой цензуре, спасительная для души...

И добавил, глядя на Шмидта: – Как перо в руках Адама Адамовича.

(Окончание на 2-й стр.)

Анатолий Попов и Адам Шмидт (слева) в Семибратовской открытой сменной школе.

фото Анны СОЛОВЬЕВНОЙ

Урок словесности на речке Устье

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

В Семибратове первым делом поклонились могиле супругов Поповых, наконец-то приведённой в порядок. Сообща вспоминали известные по публикациям, и больше всего «Северного края», подробности лагерного дерзкого романа «странного эзка» Попова, знающего наизусть чуть ли не все-го Лермонтова, и учительницы школы при политотделе Воркуталага Тамары Ярошевич, ставшей вопреки всему, что их разделяло, его женой и ангелом-хранителем.

После поминального визита на кладбище ярославские гости попали... на урок в семибратовском филиале Петровской открытой сменной школы – это она взяла шефство над могилой Поповых. Вела урок преподаватель Ольга Харитонova – недавно на филфаке педуниверситета защитила диплом о судьбе и творчестве Олега Попова. То был урок высокой поэзии, с наилучшим из всех учебных пособием в руках – сборником его стихов «Я жить хотел, как ветер над волной...».

И ученики были что надо. К выходу книги имела самое прямое отношение и ярославская

Лермонтовка. Типографские расходы оплатили тогда из областной премии, только что полученной за развитие библиотечного дела. Заканчивался урок в литературном музее школы. Приболевшему его основателю и главному хранителю Борису Сударушкину нашлась замена, причём вполне достойная. Экскурсию вдохновенно провела директор Ирина Конторина.

Музей завещал школе Сударушкин-младший, Михаил – историк, поэт, автор оригинальной методики преподавания «родиноведения». «Учимся по его книгам», – говорит Конторина. Это Михаил, штатный психолог школы, собрал материалы об истории «Кураковщины» («Северный край») об этом рассказывали, легендах и былях, об истории этих мест, о литераторах-семибратовцах Петре Сергееве, Константине Брендючкове, Викторе Мамонтове, Георгии Залетаеве и, да, о нём – Олеге Пантелеймоновиче Попове.

О своих находках Михаил сказал однажды: «Отличная психотерапия для подростков». Быстро нашёл в этом язык с педагогами – Конторина столько сил отдала, чтобы музей был именно в этих стенах, до

хрипоты доказывала непонимающим, что открытой сменной, где учатся ребята с трудными судьбами, такой музей нужнее, чем любой другой школе.

На прощание Шмидт и Анатолий Попов обменялись адресами и телефонами. В Сыктывкар уехала изданная в Германии книга Шмидта на немецком языке «Воспоминания, которые не дают мне покоя», с лагерными рисунками автора – в Ярославле рукопись так никто и не заинтересовался.

– Беру книгу напрокат, – шутит Анатолий Александрович. – Дайте русскую рукопись, немедленно издадим её в Воркуте.

А ярославцам и семибратовцам дал гость ценный совет:

– «Странный узник» Воркуталага учился в школе политотдела, она считалась железнодорожной. А управление Северной дороги и его архив – где находились? В Ярославле. Здесь и надо искать неизвестные первоисточники с недостающими сведениями о его судьбе и личности, а они по-прежнему дают нам столько поводов для раздумий о вечных загадках бытия.

Юлиан НАДЕЖДИН.